

И. А. Гончаров и "Молодое поколение"

(К 100-летней годовщине рождения)

Собрание сочинений. Том 5.

Литературно-критические статьи и воспоминания.

Библиотека "Огонек". Изд-во "Правда", Москва, 1953.

OCR Ловецкая Т.Ю.

I

"Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти. Все мертво, только из всех углов несется разнообразное храпенье на все тоны и лады.

Изредка кто-нибудь вдруг поднимет со сна голову, посмотрит бессмысленно, с удивлением, на обе стороны и перевернется на другой бок или, не открывая глаз, плюнет спросонья и, почавкав губами или проворчав что-то под нос себе, -- опять заснет.

А другой быстро, без всяких предварительных приготовлений, вскочит обеими ногами с своего ложа, как будто боясь потерять драгоценные минуты, схватит кружку с квасом и, подув на плавающих там мух так, чтобы их отнесло к другому краю, -- отчего мухи, до тех пор неподвижные, сильно начинают шевелиться, в надежде на улучшение своего положения, -- промочит горло и потом падет опять на постель, как подстреленный".

Я не буду продолжать этих выписок. Всякий русский читатель хорошо помнит эту изумительную картину сна, от которой веет настоящим сонным кошмаром, которая угнетает воображение, опутывает ум какими-то частыми, клейкими, вязущими нитями, гипнотизирует и подавляет волю. Читаешь и чувствуешь, что личные мускулы сжимаются, подходит невольная судорожная зевота...

Знаменательна при этом небольшая деталь: мухи в кувшине с квасом. Они уже заснули мертвым сном в медленно убивающей тепловато-кислой гуще... Кто-то спросонья подул на них и... они начинают шевелить ножками "в надежде на улучшение своего положения". Напрасно: тот, кто на время привел в движение убивающую их среду, -- сделал это лишь спросонья, и опять его могучий храп носятся над их полусонной агонией...

Гончаров был один из самых ярких реалистов гоголевской школы, но вместе с тем в его творчестве часто прорывался символизм. Порой намеренный и потому не особенно удачный, порой художественно-бессознательный, как в этой детали. Эта картина мушиной агонии поразительно оттеняет все изображение: является представлением о чем-то еще живом, способном летать, но уже умирающем в атмосфере неподвижного зноя и кошмарного сна. "А ребенок все наблюдал и наблюдал"... И вы чувствуете, что детская душа тоже беспомощно бьется, пытается взлететь над этим царством сна, но тонкие нити уже опутывают липкою сетью детскую душу... Это -- история и Обломова, и Адуева, и Райского... Это, наконец, символическая картина всего дореформенного (и отчасти и пореформенного) русского строя, Обломовка -- его гениальная иллюстрация, навеки засосанный ею Обломов -- его типический продукт, Гончаров -- его певец, изобразитель и сатирик.

Гончаров признавал, что Добролюбов верно объяснил ему значение его собственного творчества. "Обломов" -- страшная сатира. Но Гончаров, изображая ее, не чувствовал себя сатириком. Для сознательной сатиры нужен пафос или хоть лиризм отрицания, ненависти, смеха. У Гончарова для всей описываемой им жизни была только симпатия и любовь... "Может быть, -- пишет он ("Лучше поздно, чем никогда"), -- мои лица кажутся другим не такими, как я понимал их... потому еще, что в них сквозит много близкого и родного автору и заметно пробивается кровная любовь к ним".

Гончаров скромничал: он должен был бы хорошо знать, что большинство выведенных им лиц отличаются поразительной рельефностью. Он приписывает это своей любви к изображаемому быту и говорит далее о том, что такая любовь к изображаемому необходима всякому художнику. В пример он приводит, между прочим, Гоголя, Тургенева и даже Щедрина. Но Гоголь, консерватор и крепостник в холодной мысли, чувствовал пламенную ненависть к порокам тогдашней России. Он сознательно высмеивал их в лице своих героев. Тургенев еще более сознательно отрицал уже крепостное право, отдавая свои мягкие симпатии угнетенной стороне. Щедрин прямо ненавидел Пошехонье с его